

УДК 94(477.51)(069.51):737-047.37(092)“Спаський”

Неопубліковані спогади Феодосія Спаського

Феодосій Спаський (1897–1979) народився у Ніжині в родині законовчителя Ніжинської жіночої гімназії П.І. Кушакевич, священника місцевої Соборно-Миколаївської церкви (Миколаївського собору), протоієрея Георгія Івановича Спаського. В 1915–1917 роках Ф.Г. Спаський навчався у вищезазначеному інституті. Опинившись після буремних подій громадянської війни на еміграції, в 1920–1925 роках мешкав і працював у Югославії. В 1928 р. Феодосій Георгійович отримав духовну освіту у Свято-Сергієвському православному богословському інституті в Парижі, де згодом обіймав посади бібліотекаря та викладача. Викладав латину та грецьку мову, сектознавство, історію розколу, літургіку та Святе Письмо. Співпрацював і був особисто знайомий з такими видатними представниками російської філософсько-богословської думки за кордоном, як В. Зеньковський, А. Карташов, М. Лоський, Г. Флоровський, М. Бердяєв й інші. Від 1943 р. виконував обов'язки скарбника та секретаря інституту, також був викладачем Вищих жіночих богословських курсів (усе це в столиці Франції).

Феодосій Георгійович Спаський був визнаним поціновувачем і знавцем східнослов'янської православної літургійної музики. Маючи непогані музичні здібності й досвід, сам тривалий час очолював чоловічій церковний хор, служив псаломщиком у паризькому Свято-Введенському православному храмі. В 1951 р. у Парижі побачило світ унікальне історико-богословське дослідження Ф.Г. Спаського “Русское литургическое творчество”. Ця книга й досі лишається єдиною ґрунтовною зведеною працею, у якій найповніше розглянуто історію, зміст й авторство богослужбових текстів і піснеспівів руської православної традиції.

До уваги читачів пропонується цілком невідомий у вітчизняній історіографії нарис спогадів Ф.Г. Спаського “Памяти нескольких регентов церковных хоров и их певчих Киевского района перед войной и во время нея”. Наразі встановити чи друкувався цей матеріал (на відміну від інших меморіальних творів Ф.Г. Спаського) в періодиці російської діаспори не вдалося. На пострадянському просторі ці спогади не видавалися.

Для всієї мемуаристики Феодосія Георгійовича притаманна автобіографічність: незважаючи на те, що спогади за назвою мали охоплювати, здавалося б, широкий інформаційний пласт, але всі вони базуються виключно на особистісній інформації; а ось її внутрішня широта й об'ємність, інформаційна насиченість якраз і надають спогадам Ф.Г. Спаського задекларованої широти. Так є і з представленим матеріалом: географічна широта охоплення значного Київського району досягається за рахунок спогадів із сімейної історії Спаських-Переяславців; почерпнуті з розповідей діда автора – згада-

Керівництво та професорсько-викладацький склад Свято-Сергієвського православного богословського інституту в Парижі. Ф.Г. Спаський – п'ятий ліворуч у верхньому ряду (фото надане Л.І. Вуїч)

ного в спогадах о. Миколая Переяславця, який служив у різних куточках Південної Чернігівщини (її автор спогадів іменує “Київським районом”); можливо також – бабці Єфросинії Іванівни, тієї самої доньки “благочинного протоієрея нежинського полка”; матері – їх доньки Юлії Миколаївни; а також батька та діда по лінії Спаських. Останні також належали до духовенства, щоправда, не віддавалися вокальному мистецтву так, як рідня з родини Переяславців. У цьому Феодосій Георгійович і його нащадки (наприкінці спогадів він згадує своїх синів Миколу та Сергія, яких скромно називає правнуками свого діда, додаючи в такий спосіб ще більшої шани своєму предкові) вдалися якраз у Переяславців. (Як і старший брат Георгій – про нього Ф.Г. Спаський також згадує, хоч і не вказує на свою з ним спорідненість: у Г.Г. Спаського був гарний бас, і дід пророкував йому регентську стезю, але доля розпорядилася інакше – Георгій Георгійович загинув під Кенігсбергом під час II Світової...)

Спогади Ф.Г. Спаського переносять читача в атмосферу культурно-церковного життя Ніжина, Носівки, Чернігова та Києва передреволюційної доби та перших пореволюційних років. З-під його пера яскраво постають несправедливо забуті імена та драматичні, а подекуди й трагічні долі талановитих церковних музикантів, композиторів,

регентів, співаків, що своїм життям і працею продовжували в переломну добу традицію давнього українського та російського православного співу.

Без сумніву, спогади Ф.Г. Спаського відкривають цікаву й маловідому сторінку культурного життя кінця ХІХ – перших десятиріч ХХ ст.; вони будуть цікаві не тільки фахівцям історикам, культурологам, етнологам, але й пересічному читачеві, що цікавиться минувиною, церковною старовиною, цінує й розуміє важливість збереження глибоких культурних традицій рідного краю, держави; рідного народу тощо.

Як і у випадку з публікацією спогадів Ф.Г. Спаського в попередньому випуску ніжинознавчої серії “Ніжинської старовини”^{*1}, видати вміщений тут матеріал стало можливим дякуючи Ладі Іванівні Вуїч – небозі Ф.Г. Спаського, доньці його молодшого брата Івана Георгійовича; яка передала до фондів Ніжинського краєзнавчого музею імені Івана Спаського копію цих спогадів, отриману нею в 1990-х роках від нащадків Ф.Г. Спаського, які нині мешкають у Парижі та Брюсселі. За це висловлюємо Л.І. Вуїч щире вдячність.

Текст спогадів друкується мовою оригіналу з незначними виправленнями технічних помилок (видруків, пропущених літер у словах тощо). Під час підготовки публікації до друку автор цієї передмови намагався максимального зберегти стилістику й орфографію Ф.Г. Спаського.

№ 1. – [1957 р. (?)]. – м. Париж. – Спогади Ф.Г. Спаського про регентів церковних хорів передреволюційного часу

Памяти нескольких регентов церковных хоров и их певчих Киевского района перед войной и во время нея (из воспоминаний)

Из хоров этого времени несомненно надо отметить два центра в Киеве. Киево-Печерская Лавра с древних времен имела у себя школу певцов, и из нея выходили потом регенты хоров и композиторы как городских, так и сельских церквей, прак-тиковавших лаврские напевы в Киевском округе. Вторым более поздним центром был Киевский Софиевский собор, где регентом был славившийся в Малороссии и образовавший Софиевскую школу Калишевский, умерший во время революции. (Не помню, к сожалению, имени и отчества Калишевского. Быть может кто-либо из киевлян вспомнит и дополнит мои воспоминания.) Пел Софиевский хор на хорах, куда вела внутренняя узкая лестница с изображением по стенам ее княжеской жизни и охоты. На хоры допускалась в небольшом количестве публика. Калишевский был строг с ней: малейший шопот или движение посетителя вызывал решительное: “Вон”. Певчие были внимательны ко всякому знаку и выражению лица регента, тона не задавшего, начинавшего песнопение довольно неприятным голосом, покрывавшимся тот час дружным и точным аккордом хора, так что вступление оставалось незаметным. Дисциплина была образцовой. Спетость хора и дикция, повиновение регенту были выработаны очевидно многими спевками. Многие из певчих, всегда по рекомендации Калишевского, пели в оперном хоре. Но и при этом они не оставляли хора Софиевского собора. Калишевский часто разъезжал в поисках хороших мужских голосов взрослых и мальчиков. Он убеждал родных поручить ему мальчика и брался содержать его в школе и устроить судьбу питомца. Он увозил добычу, заботился об учении, содержании в Софийской школе и в других школах, откупа выходили они на работы и службу в разных ведомствах, не всегда по духовному.

^{*1} Див.: *Спаський Ф.* Святки в России (підготовка до друку та післяслово С. Зозулі) // Ніжинська старовина: Збірник регіональної історії та пам’яткознавства. (Серія “Ніжинознавчі студії”, № 7) / Центр пам’яткознавства НАН України і УТОПІК. Вип. 9 (12). – К., 2010. – С. 183–188.

До последнего времени старался Калишевский избегать женских голосов, но часто потом приходили к нему петь и артистки киевской оперы, как помню, например, Нину Кошиц, певицу в университетской церкви. Славился в Киеве Лукьяненко, октава, по временам во-время пения оборачивавшегося к слушателям и заканчивавшего на низкой ноте пение. Кстати, мне удалось слышать и видеть его, когда в Париж приезжал украинский хор “Думка”, давший концерт в Зале Плейель. Я дождался выхода хористов, подошел и сказал ему, что его племянник Саша живет в Югославии и успел только спросить “А Калишевский?”. Он понуро ответил коротко: умер Калишевский. В это время подошел некий юноша и оттащил его за рукав. Позже я случайно узнал, что на похоронах Калишевского пел оперный хор, провожавший гроб по улицам. Несмотря на уже применявшиеся запрещения, Киев устроил своей знаменитости достойные похороны.

Надо отметить и существование в Киеве именованного “РАБОЧИМ” хора Владимирского Собора под управлением Надеждинского. Хор звучал спето, дикция выдерживалась в точности. Что касается Киево-Печерского монастыря, он продолжал славную традицию Киево-Печерского напева. Хор его состоял из мужских голосов, теноров и басов-монахов, и мальчиков-альтов. Особенно музыкальных обучали регентскому искусству и разсылали их по городам и большим селам регентами, или посылали в семинарию. В Лавре были они под строгим присмотром наставников, сборники которых издавались в Киеве в начале века. Партитуры их за границей являются редкостью и погоня за ними кончается иногда простым воровством, что пришлось испытать пишущему эти строки. Примечательно то, что Лаврский хор с концертами не выступал, пел только за богослужениями, как впрочем, и хор Калишевского, к которому мы возвратимся, чтобы постараться нарисовать его фигуру.

Калишевский медленно подымался по лестнице, становился перед пюпитром в своем поношенном пиджаке с потрепанными рукавами. Пиджак был, очевидно, с чужого плеча. Лицо Калишевского выражало усталость, но как только он слышал первый аккорд, оно молодело, в особенности взгляд. Он владел особой азбукой жестов, всегда ритмичных и выразительных, казалось, что и глаза его говорили что-то, понятное хористам, единодушно понимавших жесты и выражение глаз. Калишевский молодел на глазах наблюдающих за ним, как говорил мне замечательный артист бас К.Т. Жукович, кончивший Киевскую консерваторию, скончавшийся в Голландии в сороковых годах. Он часто вспоминал Калишевского.

К киевской школе принадлежал и регент композитор прот. Крупицкий, управлявший архиерейским хором Свято-Преображенского собора в Чернигове, при архиепископе Василии (Богоявленском). Архиепископ Василий был большим любителем церковного пения. Манера управления Крупицкого была похожа на манеру Калишевского, да и случай, при котором присутствовал автор этих строк, показывает, что он был учеником и последователем Калишевского. Нам до сих пор не удалось найти в печати подтверждения этого нашего предположения, но сходство действий дает основание считать Крупицкого учеником Калишевского. Случай, о котором упоминаем, произошел в городе Нежине Черниговской епархии. В город приезжал как раз архиепископ Василий в сопровождении свиты и своего хора. Архиепископ должен был служить в Свято-Никольском Соборе, построенном запорожскими казаками при царе Алексее Михайловиче под начальством полковника Нежинского полка Василия Золотаренко, о чем свидетельствовало на престольное евангелие с собственноручной подписью дарителя. Служба происходила в так называемом холодном соборе, так как в нем не было отопления и зимой службы в этом храме были лишь в Николин день [и] в ночь под Рождество. Когда храм наполнялся молящимися, в нем стояли клубы тумана от дыхания. Священники служили в шубах с меховыми воротниками и напоминали бояр. В Соборе был хор под управлением Гавриила Ивановича Смиринского, выученика Киево-Печерской лавры, талантливого и доброго человека, готового всегда помочь своему певчому, которые платили за это привязанностью к хору. Приезд архиерея был и честью и испытанием для хора. В нашем случае у Крупицкого была цель заполучить нужного ему альта. Смиринский разведдал об этом, чтобы передать больше “соли” неудачи охоты за голосом Крупицкого, он подготовил один из концертов Бортнянского,

в котором был дуэт альтов, на подготовку которого ушло не мало времени. Особенно тщательно подготовлен был первый альт “Павлуша Линник”, на которого можно было положиться: он был единственным сыном довольно состоятельного ремесленника-бондаря (бочара), и для родителей его не было соблазна отпустить наследника на сторону. Об этом деле знали многие и с интересом ждали развязки. Павлушка, любивший своего регента, превозмог себя, и архиерей вызвал его и благословил. За обычной трапезой после службы у священника Крупицкий выбрал место рядом со Смиринским и, разузнав его некоторую слабость к крепким напиткам, непрестанно подливал ему, что вызвало нелюбезную реплику последнего: “Напрасно стараетесь”. Дело в том, что Смиринскому сообщили, что перед службой Крупицкий съездил к родителям Павлушки и получил ответ на свое предложение взять мальчика на воспитание: “Как скажет Гаврило Иванович”. А Гавриил Иванович уже заранее сговорился с родителями об отказе. Крупицкий после замечания Смиринского встал, подошел к архиерею и что-то прошептал ему, и возвратился. Через некоторое время архиепископ обратился к Смиринскому с вопросом, долго ли тот в должности псаломщика-регента. “Двенадцать лет при Соборе” – “Пора бы в диаконы!” – “Недостойн, Владыко!” – “Не твое дело судить о сем! Да и чем недостойн?”. ”Заливаю за воротник, Владыко!” ”Приехал бы ко мне в Чернигов поучиться у нашего регента!” – “Нечему учиться, я учен уже” – “Где же ты учился?” – “У иеромонаха в Киево-Печерской Лавре под игуменством его Высокопреосвященства Митрополита Киевского, от коего имею честь получить свидетельство с личным посланием и даже благословенную грамоту”. На этом разговор, приобретший серьезный тон, прервался. Крупицкий постарался скрыться после афронта, и архиерея проводили с радостью. Однако, через месяц Смиринский был рукоположен в диаконы и остался при Никольском Соборе. Смиринский продолжал управлять хором, по-прежнему помогая своим певчим.

В “греческой” Свято-Михайловской церкви, памятнике о многочисленной купеческой греческой колонии, в былые времена отмеченной упоминанием Гоголя о нежинском греке (в этой церкви давно уже перешли на славянский язык) регентом был выученик Смиринского Михаил Дуброва, певший у Смиринского с детства, устроенный им на службу в окружном суде. Греческая церковь имела колокольную постройку знаменитого итальянца Растрелли, и на колокольне сравнительно небольшой колокол, отлитый в самом Нежине из медных и серебряных монет, пожертвованных на эту цель. Отливали в предместьи Нежина на большом лугу, где забором огорожена была лысина, на которой ничего не росло.

На почте служил высокий красивый молодой человек Матюша Сидоренко. Он в 25 лет сохранил до такого возраста звонкое мальчишеское сопрано, и часто приходил петь трио, что привлекало в собор любителей церковного пения. Этому способствовала, выражаясь по светски, любимица публики альт Маруся Дерлюкова, типичная малороссийская красавица, родителям которой Смиринский помог в каком-то трудном случае.

Так многие регенты создавали вокруг себя как бы семью хористов. Наконец расскажу еще об одном регенте-священнике, бывшем, во время своего учения в Черниговской семинарии помощником регента семинарского хора, ставшего потом настоятелем прихода села Выгуровщина, лежащего при слиянии Десны с Днепром, отце Николае Переяславце, потомке запорожских казаков. По окончании семинарии в Чернигове он женился на дочери благочинного протоиерея нежинского полка Ефросинии Ивановне Малютиной и получил назначение в большое местечко Носовка, бывшее когда-то окружным центром носовского казачьего полка. Там от[ец] Николай всё старался организовать церковный хор, но ленивые носовцы не поддавались, все ленились. Ему помог слепой случай. После поездки к Черниговскому архиерею для обычного доклада, возвращался от[ец] Николай по Десне к Киеву на только что пущенном пароходе, по обычаю заночевавшем в месте впадения Десны в Днепр. Это было в воскресенье. Поздно вечером от[ец] Николай услышал пение. Пели парубки и дивчата, и пели дружно и звонко. Утром от[ец] Николай с чемоданом сошел с парохода и направился к селу, откуда накануне слышал пение. В селе направился он в дом священника вблизи церкви. Священник-старец с удивлени-

ем и радостью встретил заезжего гостя. Он сообщил, что по старости и болезни уже не может служить и совершать требы, и что приход небогатый и потому никто не хочет идти в Выгуровщину. Не долго думали оба и составили прошение архиепископу о переводе от[ца] Николая и передаче богатого прихода в Носовке молодому священнику, только что окончившему Черниговскую семинарию. В Носовке, конечно, предстояла борьба с матушкой, но от[ец] Николай настоял на своем, сказав, что им, старикам, хватит и малого, и что важнее позаботиться о молодых. Довод подействовал, и переезды состоялись. Правда позже немало упреков пришлось выслушать от[цу] Николаю от супруги, дочери благочинного. На второй день по приезде, от[тец] Николай услышал пение, натянул кафтан и направился куда-то, как сказала удивленная матушка, “на ночь глядя”. От[ец] Николай дошел до площади перед сельским управлением, где на бревнах сидели и пели молодые парубки и дивчата. Его приход поначалу вызвал некоторое смущение, кое-кто порывался уйти. Кто-то спросил: “Батюшка, что нам скажете?” “Ничего, продолжайте петь, и я вам спою”. Пение не налаживалось по началу. Тогда от[ец] Николай своим чистым сильным тенором затянул слышанную вчера песню, которую дружно подхватили, и песня полилась. Не пела только девка, которая вчера солировала. Ее по-нуждали петь, но она сказала, что этой песни не знает. Ей кратко ответили: “Не бреши, у вечеру вчера заводила”, и дружно пели, оставив кривлявшуюся девку без внимания. Довольно поздно, от[ец] Николай поднялся и сказал, пора спать! А если есть охота, я вас научу петь по нотам в церкви. Большинство согласилось, и составил хор не чуждавшийся и светского пения, что вызвало жалобы завистников Киевскому митрополиту, который не проявил строгости, для проформы вызвал от[ца] Николая и даже обещал приехать служить на храмовой праздник в Выгуровщину. Но, кажется, из-за разлива рек, не мог приехать. Во всяком случае, последствием жалобы завистников не имели. Дело пошло успешно, хор процветал, и из Киева приезжали слушать его. Приезжал какой-то студент, соблазнял устроить в чью-то пользу концерт в Киеве, брался получить разрешения от властей светских и духовных, но и регент, и певцы отказались, и их оставили в покое. К старости от[ец] Николай стал искать более спокойное место, и обрел его в скиту женского Введенского монастыря, находившемся в 7 верстах от города Нежина, близко к внукам. Скит лежал в лесу, называвшемся Ветхое, был довольно густо населен, и там тоже от[ец] Николай устроил хор, из-за чего туда многие приезжали. Спевки хора устраивались часто, и всегда под скрипку. Этим методом пользовались многие регенты. Были хорошие голоса. Пожилая монахиня Ермиония пела басом, доходя до октавы. Приходило много народа из близлежавшего пригорода Авдееки. Любили слушать хор и ценили проповеди от[ца] Николая, говорившего их на малороссийском языке. Это иногда ставилось ему в упрек, но без последствий. Умер он, заразившись рожей от монахини, которую он причастил. Она поцеловала ему руку, оцарапанную чем-то. Перед смертью призвал двух внуков и младшему сказал: “Пой в церкви и будь регентом”. У этого внука был отличный бас, но регентом он не стал: в последнюю войну он погиб под Кенигсбергом. Несмотря на январский сильный мороз, похороны от[ца] Николая собрали много народу по дороге из скита к монастырскому кладбищу, где он был похоронен. После него осталась большая нотная библиотека, быстро разошедшаяся по рукам среди окрестных регентов.

В заключение нашего очерка скажем несколько слов о нотных собраниях в провинции. Они принадлежали отдельным регентам и, иногда, отдельным более значительным приходам городских храмов. Они были по-преимуществу рукописными. Распространение синодальных изданий и музыкальных издательств, вроде Юргенсона, только входило в практику, и из-за незначительности вознаграждения регентов не находили большого, за редкими исключениями, сбыта. Поэтому в таких нотных собраниях преимущественно находились ноты рукописные. Только более богатые приходы пополняли свои собрания новинками печатных изданий. Часто в рукописных нотах можно было видеть надпись над песнопением: “Неизвестного композитора”. Часто за такой надписью скрывался безвестный более или менее талантливый регент, боявшийся синодальной цензуры и иногда излагавший местную традицию в более или менее

удачной фактуре. Можно считать, что много погибло в буре революции. Иногда за границу прорывались отдельные образцы местных напевов, сохранившихся в монастырях. Например, валаамские напевы, распространившиеся через Прибалтику или “Хвалите имя Господне” Яблонинского на Вольни монастыря через Галицию.

При моих случайных возможностях доступа к таким нотным собраниям, могу отметить два случая, быть может характерных для общих выводов. В собрании нот Нежинского собора, хранившихся в комнате под колокольной, где происходили спевки, я набрел на “Великое Славословие” Старорусского, в первой части представлявшее известное произведение, но начиная со слов “Аз рех, Господи, помилуй мя”, отделенных в партитуре заметной чертой, сделанной переписчиком, отмечено “Соло альт”, а в отношении остальных голосов – “Пианиссимо”. Со слов “Во свете Твоем узрим свет” отмечено: “Хор”. Я спросил у регента, откуда такое изменение, и он ответил, что сам пел соло алты в Киево-Печерской школе и решил изложить это в своей партитуре и приспособить для своего хора. При этом он объяснил логику, как он выразился тогда, “в приведенном отрывке обращение в первом лице”. Мне пришлось слышать пение соло в исполнении уже упомянутой мною Маруси Дерлюковой, придавшей известную театральность и трагичность исполнению, вызвавшую даже несколько истерических вздохов среди молящихся, весьма неподходящих для общехрамового богослужения. Позже мне нигде не приходилось слышать подобного пения Великого Славословия.

Тут я обнаружил, так сказать, соборный образ действий уже явной подделки: нашел в нотах от[ца] Николая, о котором упоминал. Это была партитура “Милость мира”, надписанная неожиданно “МОЦАРТА”. Было это “Отче Наш” или “Великое Славословие”, имеющееся в католических мессах, и иногда они песенно исполняются, можно было бы и допустить справедливость надписания на основе общего употребления на мессе или литургии, но Евхаристический канон в православном его изложении не встречается в мессе и вряд ли Моцарт писал бы для православной литургии. Таких случаев не приходилось слышать никогда. Здесь вернее предположить некоторую нескромность “неизвестного композитора”, скрывшегося под не весьма удачным псевдонимом.

В нотных хранилищах находились издания обиходного пения Синодального издания квадратной нотой. Они часто употреблялись на левом дьячковском клиросе. Они сохраняли старые мелодии, в последние времена подвергавшиеся гармонизациям. Такие издания многие ошибочно именуют крюками: к сожалению, основы крюкового пения недостаточно известны и мало исследованы, хотя “смачный” термин живет и применяется некстати.

Примечание к очерку: Переходя к современности, скажем несколько слов о том, что потомки от[ца] Николая Переяславца, о котором мы рассказали, живут среди нас и в меру своих возможностей продолжают традицию православного церковного пения. Регент, или как он предпочитает выражаться – руководитель церковного хора Храма-Памятника в Брюсселе, Николай Пасский правнук от[ца] Николая. Помимо его регентства и деятельности при Храме-Памятнике, он еще ведет вторую регентскую должность с Русским хором в Брюсселе, который объединяет всех певцов, любящих не только церковное, но и народное пение. Его брат Сергей, регент церковного хора Св. Алексея в Париже, по условиям работы не имеющий возможности постоянно петь в каком-либо храме. Несмотря на трудности, они продолжают певческую работу и с успехом исполняют завет своего прадеда, несмотря на то, что родились оба и выросли за границей. Пожелаем им крепости и сил для дальнейшей работы. Бог в Помощь! Как счастлив был бы их предок, услышав их пение!

Феодосий Спаський.

Науково-допоміжний фонд Ніжинського краєзнавчого музею
імені Івана Спаського, папка “І.Г. Спаський”.
Машинопис. Копія.

підготовка до друку та передмова Олександра МОРОЗОВА (Ніжин)

Спаський Ф.Г. Пам'яті декількох регентів церковних хорів і їх півчих Київського району перед війною і під час її (зі спогадів) (*підготовка до друку та передмова О. Морозова*)

Видана в одному з періодичних видань російської діаспори в США і невідома раніше в Україні стаття Ф.Г. Спаського розповідає про деякі центри церковного співу в дореволюційний час на території Чернігівщини, про їх традиції та найбільш яскравих представників. Матеріал будується переважно на особистих спогадах автора, почерпнутих зі свого життєвого досвіду, а також із сімейної історії Спаських.

Ключові слова: церковний спів, регенти, Київський округ, о. Миколай (Переяславець), Спаські.

Спасский Ф.Г. Памяти нескольких регентов церковных хоров и их певчих Киевского района перед войной и во время ее (из воспоминаний) (*подготовка к печати и предисловие О. Морозова*)

Изданная в одном из периодических изданий российской диаспоры в США и неизвестная ранее в Украине статья Ф.Г. Спасского рассказывает о некоторых центрах церковного пения в дореволюционное время на территории Черниговщины, об их традициях и наиболее ярких представителях. Материал построен преимущественно на личных воспоминаниях автора, почерпнутых из своего жизненного опыта, а также из семейной истории Спасских.

Ключевые слова: церковное пение, регенты, Киевский округ, о. Николай (Переяславец), Спасские.

Spaskiy Th.G. To memory of a few regents of church galleries and their chanters of the Kiev District before and during war (from memories) (*preparation to the print and preface of O. Morozov*)

Published in one of magazines of the Russian Diaspora in the USA and unknown before in Ukraine the article by Th.G. Spaskiy tells about some centres of the church singing in pre-revolution time on territory of Chernihiv Region, about their traditions and most bright representatives. Material is built mainly on the personal memories of author, drawn from the vital experience, and also from domestic history of Spaski family.

Key words: church singing, regents, Kyiv District, father Mycolay (Pereyaslavets), Spaski.

[надійшло до редакції: 17.01.2011 р.]

УДК 001(091/092);53(091/0923)

Богдан КОЖУШКО
(Київ)

Дещо про українське коріння родоводу Г.В. Вульфа – видатного фізика-кристалографа

Чернігово-Сіверську землю прославили у світі багато її уродженців, а також знані постаті, які трудилися на її теренах або здобули тут вищу освіту. До числа таких належить видатний фізик Георгій (Юрій) Вікторович Вульф, який 10 (22) червня 1863 р. народився у м. Ніжині. На жаль, в науковій літературі тривалий час тільки цим фактом й обмежувалися дослідження про зв'язок ученого з Україною: навіть в обох випусках багатотомної “Української радянської енциклопедії” жодної згадки про Г.В. Вульфа немає. Натомість, майже кожному, хто вивчав шкільний курс фізики, має бути відоме це ім'я як співавтора формули для визначення максимумів відбитого від кристалів Х-ви-